

Н.Р. Сумбатова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

**ПРОБЛЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ
THE PROBLEM OF PARTS OF SPEECH IN DARGIN**

Ключевые слова: части речи, синтаксические классы, дистрибуция, синтаксические границы

Keywords: parts of speech, word classes, distribution, syntactic constituents, lexical integrity

1. Постановка проблемы

Даргинский язык входит в нахско-дагестанскую языковую семью, в которой образует самостоятельную подгруппу. На нем говорит более 500 тысяч человек, в основном проживающих в центральной части Республики Дагестан. Особенностью даргинского языка является сильная диалектная раздробленность; наиболее полные описания диалектов – (Услар, 1892), (Магомедов, 1963), (Магомедов, 1982), (Sumbatova, Mutalov, 2003), (Темирбулатова, 2004); большинство работ по даргинскому языку посвящены его литературному варианту и, в меньшей степени, легшему в его основу акушинскому диалекту (Абдуллаев, 1954), (van den Berg, 2001). Сравнительно подробные данные о диалектном членении даргинского языка см. в атласе (Коряков, 2006). В данной работе мы опираемся на данные диалекта селения Танты (тантынского), однако наши построения и выводы в целом отражат и ситуацию в большинстве других диалектов.

Как и другие языки нахско-дагестанской семьи, даргинский является языком эргативного строя, с левым ветвлением и свободным порядком слов. Это язык с богатой агглютинативной морфологией и разветвленными, сложно устроенными парадигмами как имени, так и глагола.

Мы хотим привлечь внимание читателей к проблеме выделения частей речи в языке подобного типа. Как известно, к выделению частей речи существует несколько подходов (среди прочего см., например (Алпатов, 1990) и другие работы в сборнике (Части речи, 1990)). Нас преимущественно интересует проблема частей речи как синтаксических классов, однако мы также учтем и морфологические критерии выделения частей речи.

Как уже сказано, отличительная черта даргинского языка (как и многих других языков нахско-дагестанской семьи) – сложное устройство именной и глагольной парадигмы. Так, даргинский глагол выражает морфологические категории вида, наклонения, времени, аспекта и эвиденциальности, лица/числа, а в части форм также переходности и инверсива и образует несколько десятков синтетических и аналитических парадигм вида/времени/модальности. Помимо этого, в систему глагола входит большое число нефинитных глагольных репрезентаций, выполняющих разнообразные синтаксические функции. В тантынском диалекте, например, мы зафиксировали следующие нефинитные дериваты: краткие причастия

(образуются от основы претерита путем сдвига ударения); полные причастия (показатели *-se*, *-an* или *-aj*); простые деепричастия (суффикс *-le*); специализированные деепричастия (много разновидностей с разными показателями); инфинитив (показатель *-iž*); отглагольные имена (масдар с показателями *-ni/-ri*, имя действия с суффиксом *dix*: «результативное» имя с суффиксом *-ala*).

При построении частеречной классификации мы должны решить вопрос о том, включать ли словоформы, представляющие различные репрезентации глагола, в единую глагольную парадигму, и какую частеречную характеристику им следует приписать. Аналогичный вопрос встает и при анализе всех форм имени и даже прилагательного.

Проблема частеречной характеристики различных репрезентаций одной лексемы вполне актуальна и для языков типа русского, где мы также сталкиваемся с неоднозначными репрезентациями глагола (причастиями, деепричастиями, инфинитивами; см. (Поливанова, 1990)). В даргинском эта проблема усугубляется легкостью перехода из одной части речи в другую: почти для всех частей речи существуют продуктивные деривационные модели, позволяющие получить единицу заданной части речи чуть ли не из любой другой. Например, суффикс имени действия *-dix*: образует существительные от единиц разных синтаксических классов – от имен, прилагательных, от глагольных основ претерита и презенса, локативных наречий (1), от локативных форм имен и наречий и некоторых других словоформ, ср.:

- (1) *в. abza* ‘герой’ → *в. abzadix* ‘героизм’
razi ‘радостный’ → *razi-dix* ‘радость’
wams:ur ‘устал’ (претерит) → *wams:ur-dix* ‘усталость’
čet:ib ‘наверху’ → *čet:ibdix* ‘выигрыш’.

Таким образом, в отношении выделения частей речи даргинский язык, с его развитой агглютинативной морфологией, характеризуется следующими важными свойствами:

- каждую словоформу в нем сравнительно легко отнести к тому или иному синтаксическому классу (части речи);
- язык располагает продуктивными морфологическими средствами, способными переводить единицы из одного синтаксического класса в другой;
- принадлежность единицы к тому или иному синтаксическому классу в большом числе случаев морфологически маркирована (частично это свойство вытекает из предыдущего).

Если мы хотим принять разумные решения по поводу системы частей речи для языка подобного типа, мы должны учитывать синтаксическую неоднородность большинства существующих в нем парадигм и легкость образования единиц определенного синтаксического типа от разнообразных

единиц других классов. Теоретически это должно вынудить нас принять одно из трех решений:

(А) отказаться от идеи частеречной классификации лексем – по крайней мере лексем, «неоднородных» с точки зрения дистрибуции; такое решение не создает теоретических сложностей, однако противоречит традиции и неудобно для практического описания языков;

(Б) отказаться от идеи объединять в одну лексему синтаксически неоднородные множества словоформ – что может сильно перекроить привычную частеречную классификацию;

(В) для синтаксически неоднородных лексем (= лексем, содержащих более одной репрезентации) разработать процедуру выбора *основной* репрезентации, частеречная характеристика которой будет приписываться лексеме в целом – в этом случае словоформы, представляющие одну из неосновных репрезентаций, будут получать двойную частеречную характеристику – как представители той или иной лексемы (часть речи как лексический класс) и в соответствии со своей дистрибуцией (часть речи как синтаксический класс).

Выбор того или иного подхода, разумеется, должен диктоваться свойствами конкретного языка. Для даргинского языка наиболее подходящим нам представляется последнее из этих решений.

2. Морфологическая и синтаксическая классификация словоформ

Классифицируя даргинские словоформы на чисто морфологических основаниях, мы получаем следующие классы слов: имена существительные; имена числительные; локативы (локативные наречия/послелого); *глаголы*. Не имеют никаких форм словоизменения (кроме отдельных случаев согласования по именному классу) краткие прилагательные, нелокативные наречия, комплементаризеры, частицы и большая часть предикативных показателей.

Мы, однако, стремились к выделению собственно синтаксических классов. Для этого мы прежде всего рассмотрели две группы синтаксических свойств словоформ – *внешнюю дистрибуцию*, то есть способность единицы подчиняться другим словоформам и выступать в той или иной синтаксической позиции, и *управляющие свойства*, то есть способность единицы подчинять себе составляющие того или иного типа.

Выяснилось, что управляющие свойства задают классы словоформ, весьма близкие к морфологическим классам: словоформы *с глагольным управлением* (подчиняют именную группу в абсолютиве и, возможно, ИГ в эргативе или дативе или, реже, в других падежах); словоформы *с именным управлением* (подчиняют группы, возглавляемые краткими и полными прилагательными, а также существительными в генитиве); близкие к ним словоформы *с послеложным управлением* (подчиняют одну ИГ, чаще всего в генитиве); словоформы, подчиняющие почти исключительно *наречия меры и степени*; единицы, способные подчинять *клаузы*, и, наконец, единицы, *неспособные иметь зависимые*.

Напротив, дистрибуция словоформ задает классификацию, которая существенно отличается от морфологической. В нее входят следующие классы слов – финитные формы глагола, имена, атрибутивные имена, прилагательные, адвербиалы, второстепенные предикаты, союзы, предикативные показатели, частицы. Прокомментируем некоторые из них.

Финитные формы глагола и предикативные показатели способны без дополнительной поддержки выступать в качестве вершины независимого предложения. Мы рассматриваем эти две группы единиц как два разных дистрибутивных класса. Во-первых, они различаются по набору допустимых позиций: финитные формы глагола могут возглавлять побудительные, оптативные и декларативные предложения, но не могут быть вершиной вопросительных предложений; предикативные показатели возглавляют вопросительные предложения и большую часть декларативных, но невозможны в побуждениях и пожеланиях. Во-вторых, финитные формы и предикативные показатели не являются взаимоисключающими элементами: например, вопросительные частицы (относящиеся к классу предикативных маркеров) могут модифицировать финитный глагол:

- (2) šaʹri selle b□urtʹ-i-t:=a?
 озеро как N□делить:IPF-TH-2=CQ
 ‘Как ты поделишь озеро?’

Аналогичным образом мы относим к разным классам второстепенные предикаты (разнообразные деепричастия и некоторые спрягаемые формы глагола – условное наклонение, уступительные формы, в некоторых диалектах также конъюнктив) и союзы (комплементайзеры).

Классификация на основе дистрибуции объединяет в один класс несколько групп словоформ, чья дистрибуция очень близка к дистрибуции имен. Это полные прилагательные и причастия, количественные числительные и указательные местоимения. Все эти слова, как и существительные, могут выступать в позиции аргумента и именной части сказуемого, однако гораздо чаще, чем «словарные» существительные, выступают в роли приименного зависимого, ср. употребление полного прилагательного *cʹut:ar-se* ‘черный’ в (3ab). Синтаксические единицы такого типа мы назвали *атрибутивными именами*. Похожие синтаксические свойства демонстрируют также существительные в форме генитива.

- (3) a. rasul-li cʹut:ar-se mašina as:ible=s□j
 Расул-ERG черный-ATR машина купить:PF-PRET-CONV=COP□M
 ‘Расул купил черную машину’.
- b. rasul-li cʹut:ar-se as:ible=s□j
 Расул-ERG черный-ATR купить:PF-PRET-CONV=COP□M
 ‘Расул купил черную (машину)’.

Дистрибутивный класс *адвербиалов* (словоформ, основной синтаксической функцией которых является функция сирконстанта глагола) очень разнороден: в него попадают существительные в формах локативных падежей, некоторые топонимы, а также разнообразные наречия и послелого.

Вне классификации остаются некоторые из слов, традиционно называемых частицами, – точнее, те из них, которые мы не отнесли к классу предикативных показателей. В частности, сюда попадает аддитивный маркер *=ra*, сопоставительная частица *=ni*, аллокутивныe показатели и некоторые другие единицы. Эти элементы сравнительно немногочисленны, но их свойства неоднородны и требуют более тщательного исследования.

3. Синтаксические классы в тантынском диалекте

В идеальном случае мы ждем, что морфологические и синтаксические признаки словоформ будут коррелировать примерно так, как это показано в Таблице 1.

Таблица 1. Корреляция морфологических и синтаксических признаков словоформ (канонический вариант)

глаголы	морфологические свойства глагола (особая структура корня, вид; время/ аспект/ модальность, эвиденциальность, полярность; лицо, число, переходность/ инверсив)	~ позиция синтаксической вершины независимого предложения	~ глагольное управление
существительные	морфологические свойства имени существительного (именной класс; число; грамматический падеж; локализация; локативный падеж)	~ позиция аргумента глагола	~ именное управление
локативы/ послелого	морфологические свойства локатива (локативный падеж)	~ позиция обстоятельства	~ послеложное управление
прилагательные	отсутствие словоизменения	~ позиция приименного атрибута	~ подчиняют наречия степени
наречия	отсутствие словоизменения	~ позиция обстоятельства	~ подчиняют наречия степени или не имеют зависимых

Например, синтетические финитные формы глагола имеют полный набор морфологических признаков глагола, выступают почти исключительно в позиции вершины независимого предложения и, подобно другим глагольным формам, управляют абсолютивной именной группой и, возможно, другими именными группами в различных падежах в

соответствии со своей моделью управления. Однако мы вряд ли можем ожидать, что такая «каноническая» корреляция будет иметь место для всех или хотя бы большинства классов словоформ.

Мы рассмотрели все группы тантынских словоформ, которые, насколько это известно, различаются по своим морфологическим и/или синтаксическим свойствам, и приписали каждой группе частеречную характеристику на основании каждой из трех рассмотренных здесь классификаций. В результате у нас получился список, содержащий около 25 строк, соответствующих разным группам словоформ. Фрагмент этого списка приведен в Таблице 2.

Таблица 2. Основные морфологические и синтаксические свойства групп словоформ (тантынский диалект)

Группа словоформ	Морфологический класс	Морфологические признаки	Внешняя дистрибуция	Управляющие свойства
1. «Словарное» существительное в одном из грамматических падежей	существительное	именной класс; число; грамматический падеж; локализация; локативный падеж	имя	именное управление
2. Локативная форма существительного	локатив	(именной класс); число; локализация; локативный падеж	адвербиал (сирконстант глагола)	именное управление
3. «Словарное» прилагательное	неизменяемое слово	(нет)	прилагательное (определение имени)	подчиняет наречия степени
4. Производное (полное) прилагательное	существительное	именной класс; число; грамматический падеж; локализация; локативный падеж	атрибутивное имя	именное управление + подчиняет наречия степени

Лишь часть строк таблицы содержит классы словоформ, идентификация которых не представляет никаких проблем, так как морфологические и синтаксические свойства представленных в них словоформ связаны «каноническим» образом, как показано Таблице 1 (в таблице 2 эти строки выделены серой заливкой). Например, первая строка представляет канонические имена, а третья – прилагательные. При построении итоговой синтаксической классификации мы начинаем именно с этих групп словоформ. В результате мы приходим к следующему, в целом вполне обычному набору синтаксических классов: *глаголы; имена* (включая подклассы атрибутивных имен и генитивов); *прилагательные; наречия;*

послелогои (наречия и послелогои различаются управлением); *предикативные показатели*; *союзы* (отличаются от предикативных показателей дистрибуцией) и, наконец, «*частицы*» – оставшиеся единицы, которые по существу не составляют единого класса.

В отличие от канонических имен, глаголов и т.д., все остальные группы словоформ обладают противоречивыми характеристиками. Например, полные причастия обладают морфологическими признаками и глагола, и имени; их управляющие свойства в целом такие же, как у финитных глаголов, однако они могут, подобно прилагательным, иметь при себе зависимое со значением степени.

Мы предлагаем следующий способ описания системы синтаксических классов в даргинском языке.

1. Будем различать синтаксический класс как характеристику лексемы и синтаксический класс как характеристику некоторой подпарадигмы лексемы или отдельной словоформы. В первом случае будем говорить о *лексической* (постоянной) частеречной характеристике, во втором – о *текущей* характеристике.

2. Для лексем, имеющих более одной репрезентации, определим одну репрезентацию, которую будем считать *основной*. Для глаголов основной репрезентацией будем считать финитные формы независимых клауз, для имен – формы грамматических падежей (кроме генитива). В прочих случаях будем считать, что основной является наиболее морфологически простая репрезентация (начальное звено деривационных цепочек). Каждой словарной единице (лексеме) припишем тот синтаксический класс, к которому по своим синтаксическим свойствам принадлежит ее основная репрезентация.

Часто по крайней мере часть синтаксических (и морфологических) свойств являются общими для всех репрезентаций одной лексемы. Например, все глагольные формы, включая нефинитные дериваты, имеют морфологическую категорию вида, а абсолютное большинство из них имеет одинаковое глагольное управление.

3. Для основных репрезентаций всех лексем лексическая частеречная характеристика будет в целом правильно задавать синтаксические свойства входящих в них словоформ:

финитные формы глаголов обладают как морфологическими, так и дистрибутивными и управляющими свойствами, характерными для глаголов (в соответствии с Таблицей 1);

абсолютив и другие формы грамматических падежей имени обладают всеми морфологическими и синтаксическими свойствами существительных;

то же можно сказать о производных формах кратких прилагательных (синтаксические прилагательные), производных нелокативных наречиях (синтаксические наречия) и послелогох (синтаксические послелогои).

У всех этих словоформ лексическая и текущая части речи совпадают, и в рассмотрении двух или более уровней частеречной принадлежности нет необходимости.

4. Прочие репрезентации и продуктивные дериваты любой лексической единицы могут обладать синтаксическими и морфологическими свойствами, отличными от свойств основной репрезентации лексемы. Те возможности управления и дистрибуции, которые «не учтены» их лексической характеристикой, всегда соответствуют свойствам некоторого другого класса. Такие словоформы получают сложную частеречную характеристику: во-первых, они принадлежат к некоторому классу как представители определенной лексемы; во-вторых, они принадлежат к некоторому новому классу, в который их перевела деривация.

Таким образом, словоформа может иметь более одной частеречной характеристики одновременно, однако это характеристики разного уровня: лексическая часть речи является более «глубинной» ее характеристикой, так как характеризует словоформу как представителя некоторой лексемы. Можно также считать лексическую часть речи характеристикой лексической основы. Текущая часть речи соответствует свойствам словоформы, полученным в результате деривации. Непоследовательные и неоднородные характеристики дериватов и некоторых других групп словоформ объясняются комбинацией свойств, вытекающей из ее двух или более частеречных характеристик.

5. Если деривация применяется к производной словоформе, то частеречных характеристик может быть более двух. Например, полное прилагательное, образованное от локативной словоформы существительного (такое, как *duburlic:e□b-se* ‘находящийся на горе’), имеет свойства (а) существительного как лексической единицы; (б) адвербиала (локативные формы существительных мы отнесли к классу адвербиалов) и (в) атрибутивного имени. Первый признак является свойством лексемы (в данном случае лексемы *dubur* ‘гора’), прочие следует считать свойством групп словоформ – *подпарадигмы существительного*, включающей основы всех локализаций и образованные от них формы локативных падежей, для характеристики (б), и *парадигмы атрибутивного имени* *duburlic:e□b-se* ‘находящийся на горе’, образованного от локативной формы существительного (в данном случае от формы эссива *duburlic:e□b* ‘на горе’), для характеристики (в).

6. Поскольку при деривации за появление новых синтаксических свойств практически всегда «ответственными» деривационные морфемы, мы будем проводить внутри производных словоформ, соответствующие последовательному образованию дериватов определенного синтаксического класса. Например, лексема *ʔaʰh* ‘хороший’ в словарной форме является (кратким) прилагательным; она может возглавлять группу прилагательного и использоваться без дополнительного маркирования в синтаксической роли препозитивного контактного определения:

- (4) а. [AP ʔaʰh] qal
‘хороший дом’

В то же время лексическая основа *ʔaʰh* присоединяет целый ряд деривационных морфем, которые создают единицы, обладающие свойствами других синтаксических классов, например:

- (4) b. [N(ATTR)P [AP ʔaʰh]-se]
 ‘хороший’ (атрибутивное имя)
- c. [ADVP [AP ʔaʰh]-le]
 ‘хорошо’ (качественное наречие)

Эти дериваты сохраняют исходный лексический класс (прилагательное), который соответствует синтаксической категории внутренних составляющих, но одновременно относятся к другой текущей категории (в нашем примере – к классам атрибутивных имен и наречий).

4. Синтаксические границы и согласование по именному классу

Предложенный в предыдущем разделе подход оправдывает себя при синтаксическом анализе, так как в ряде случаев позволяет хотя бы наметить решение некоторых неожиданных синтаксических проблем. Примером такой проблемы может быть согласование отглагольного локатива, которое мы рассмотрим в этом разделе.

В даргинском языке формы эссива всех имен и локативных наречий и послелогов имеют на конце показатель согласования по именному классу. В обычном случае в качестве контролера классного согласования этих форм выступает абсолютный аргумент той клаузы, в которую входит обстоятельство. Так, в примере (5) обстоятельство *tʰantʰi□b_j* ‘в Тантах’ согласуется по именному классу с абсолютивом *qali* ‘дом’; контроль согласования показан при помощи индексов:

- (5) *murad-li tʰantʰi□b_j qali_j b□irqʰ-u-le=sa□j*
 Мурад-ERG Танты□ESS дом N□делать:IPF-PRS-CONV=COP□M
 ‘Мурад строит дом в Тантах.’

Классный показатель представлен, разумеется, также и в эссивных формах отглагольных дериватов – причастий и отглагольных имен (будем называть эти формы отглагольными локативами). В результате отглагольный локатив может содержать два классных показателя – перед корнем и в самом конце.

Рассмотрим следующее предложение:

- (6) *pat:imat-li sunna qʰ.aʰl-e d□arç:-ib-le=sa□r*
 Патимат-ERG сам:GEN корова-PL NPL□искать:PF-PRET-CONV=COP□F
- dali qʰirqʰikʰ-ne d□irb-n-a□r*
 я:ERG тмин-PL NPL□собирать:IPF-POT-LOC□F
 ‘Патимат нашла своих коров там, где я обычно собираю тмин.’

В локативной форме *d□irb-n-a□r* ‘там где я собираю (тмин)’ два классных показателя: первый их них согласуется по внутреннему

абсолютиву *q'irq'ik'ne* 'тмин' (неодушевленный множественный класс), а показатель эссива в конце словоформы – по внешнему эргативу *pat:imatli* 'Патимат' (женский класс).

Более подробное изучение свойств отглагольных локативов показывает, что для показателя эссива в их составе имеются две возможности согласования: (1) по абсолютивной ИГ, которой управляет локатив (по «внутреннему» абсолютиву); (2) по одному из ядерных аргументов главного предложения, как показано в примере (7):

(7) a. **du**_j uc-n-a□**w**_j c'a'q'◌-le da'ʔ b□ik'◌-ar
я (М)работать:IPF-POT-LOC□М сильный-ADV ветер
N□говорить:IPF-TH

b. **du** uc-n-a□**b**_k c'a'q'◌-le **da'ʔ**_k b□ik'◌-ar
я (М)работать:IPF-POT-LOC□N сильный-ADV ветер N□говорить:IPF-TH

(ab) 'Там, где я работаю, дует сильный ветер'.

В соответствии с нашим представлениями о синтаксических классах и границах составляющих, мы должны считать, что внутри эссивной формы проходит синтаксическая граница: причастие является отглагольной формой атрибутивного имени, а локативные формы от него представляют собой синтаксические наречия, например:

(7') [_{ADVP} [_{N(ATR)P} **du** uc-n] -a□**b**] c'a'q'◌-le **da'ʔ** b□ik'◌-ar
'Там, где я работаю, дует сильный ветер'.

Наличие такой границы может объяснить тот факт, что два классных показателя в составе одной словоформы могут иметь разных контролеров. Классный показатель, примыкающий к глагольному корню, контролируется «изнутри» – абсолютивом той предикации, вершиной которой является глагол в форме причастия. За право контроля над эссивным показателем конкурируют внутренний контролер – абсолютив вложенной предикации (в примере (7) – *du* 'я', мужского класса) и внешний контролер – абсолютив той клаузы, в которой отглагольный локатив занимает позицию обстоятельства (*da'ʔ* 'ветер', неличного множественного класса).

Мы знаем, что отыменные и наречные эссивные формы контролируются извне, следовательно, необычной в данной ситуации является скорее возможность внутреннего контроля, через границу составляющей с вершиной-причастием. Возможно, она свидетельствует о том, что локативная форма все в большей степени приобретает свойство лексической целостности, которое сделает невозможными внутренние синтаксические границы и разные области согласования для одной словоформы.

Сокращения

ИГ – именная группа; 1, 2 – показатели лица; ABS – абсолютив; ADD – аддитивная частица; ADV – показатель наречия; ADVP – группа наречия; AN –

имя действия; AP – группа прилагательного; APUD – локализация ‘около’; ATR – атрибутивная (причастная) форма, показатель полных прилагательных и причастий; CAUS – каузатив; COMIT – комитатив; CONV – деепричастие; COP – связка; CQ – показатель частного вопроса; DAT – датив; DOWN – преверб со значением ‘вниз’; DUR – основа дуратива; ERG – эргатив; ESS – эссив; EXST – экзистенциальная связка; F – женский согласовательный класс; GEN – генитив; HAB – хабиуталис; HERE – преверб со значением ‘сюда’; HPL – личный множественный согласовательный класс; IN – локализация ‘внутри’; INF – инфинитив; IPF – несовершенный вид; LOC – нерегулярная локализация; LV – глагольный корень в составе сложного глагола; M – мужской согласовательный класс; N – неличный согласовательный класс; N(ATR)P – группа с вершиной – атрибутивным именем; NEG – отрицание; NPL – неличный множественный класс; NS – именной корень в составе сложного глагола; OBL – косвенная основа; OPT – оптатив; PF – совершенный вид; PL – множественное число; POT – основа потенциалиса; PQ – показатель общего вопроса; PRS – презенс; PRET – претерит; SG – единственное число; SUB – локализация ‘под’; SUPER – локализация ‘на’ (‘супер’); TH – показатель «тематической» основы .

Знак ‘□’ отделяет классный показатель от морфемы, требующей его присутствия. Знак ‘=’ отделяет клитики.

Литература

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). – Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954. – 216 с.
2. Алпатов В.М. Принципы типологического описания частей речи // Части речи. Теория и типология. - М.: Наука, 1990. - С. 25 – 50.
3. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. - М.: Пилигрим, 2006. – 76 с.
4. Магомедов А.А. Кубачинский язык. - Тбилиси: АН Грузинской ССР, 1963. – 341 с.
5. Магомедов А.А. Атрибутивная синтагма и категория числа имен прилагательных в даргинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания VIII, 1981. - С. 170 – 192.
6. Магомедов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. - Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 232 с.
7. Поливанова А.К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. Под ред. Вяч. Вс. Иванова. - М.: АН СССР, 1990. - С. 41 – 69.
8. Сумбатова Н.Р. 2011. Показатели предикативных категорий в даргинском языке // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». - М.: РГГУ, 2011. - С. 151 – 173.
9. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2004. – 305 с.

10. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. - Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1892. – 499 с.
11. Части речи. Теория и типология. Сборник статей. - М.: Наука, 1990. – 268 с.
12. van den Berg, Helma. Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. - Leiden: CNWS, 2001. – 324 с.
13. Sumbatova, N. R., Mutalov R.O. A Grammar of Icarí Dargwa. München: LINCOM Europa, 2003. – 257 с.

(0,7 п.л.)